

ДАРЬЯ ДЁМИНА

НА КРАЮ СВЕТА

ЗАПИСКИ ИММИГРАНТА

Дарья Дёмина

**На краю света.
Записки иммигранта**

«Издательские решения»

Дёмина Д.

На краю света. Записки иммигранта / Д. Дёмина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859906-4

Автобиографический роман «На краю света» — это не только увлекательный рассказ об эмиграции на остров Ньюфаундленд, в суровый край с дикой и прекрасной природой. Это история о мечте, о силах, которые требуются для ее реализации, о препятствиях на пути к ней и о том, как важно не сдаваться даже в случае, когда судьба предлагает непростые испытания на пути к достижению цели. «На краю света» — это роман о людях и менталитетах, о поддержке и разочарованиях, об упорстве и желанной победе.

ISBN 978-5-44-859906-4

© Дёмина Д.
© Издательские решения

Содержание

Путешествие	6
Бег	12
Мемориальный Университет Ньюфаундленда	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

На краю света Записки иммигранта

Дарья Дёмина

Иллюстратор Полина Грицкова

Иллюстратор Даниил Славинский

© Дарья Дёмина, 2017

© Полина Грицкова, иллюстрации, 2017

© Даниил Славинский, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9906-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

The smoky days had gone in past
I never lied nor was unfair
As soon as trouble came to dust
I flourished, raised from the despair.

Daria Demina

Я посвящаю эту книгу своему мужу и другу Кириллу, который был со мной рядом на протяжении всего описанного здесь путешествия – рука об руку, поддерживая и поощряя меня двигаться дальше, оставаясь собой, несмотря ни на что. Я также не была бы сейчас тем, кто я есть, без поддержки и любви своей семьи, моих близких друзей, которые всегда являлись частью меня и моим главным вдохновением. Я довольно долго планировала написание этой книги и воспринимаю ее как дневник, описывающий значительный и запоминающийся отрезок моей жизни.

Путешествие

Начать свое повествование я хочу с небольшого предисловия: рассказа о том, как во мне появились первые зачатки эмигранта, или, как я, скорее всего, назвала бы себя – настоящего искателя приключений. Многие люди считают, что эмигранты – это отдельная каста людей, беженцев, искателей лучшей жизни, тех, кто недоволен местом своего рождения. Многие считают это трусостью, нежеланием что-либо менять в своей стране, ведь проще всего собрать вещи и уехать в места, где уже все налажено, где жизнь будет проста и приятна, где можно заработать уйму денег и получить массу благ, недоступных в родной стране. Не буду юлить и пытаться скрывать, так думала поначалу и я. Зачем биться головой об стенку, пытаться что-то изменить, тратя на это свою жизнь, если за столько столетий ничего не изменилось, а, похоже, стало только хуже. А мне, как и любому другому молодому и амбициозному человеку, хотелось всего сразу и прямо сейчас. Я лелеяла надежду на то, что, едва приехав за границу, буду жить такой жизнью, как в кинофильмах, которыми нас пичкали с экранов телевизоров все девяностые, а впоследствии и двухтысячные годы. Итак, для того, чтобы понять, стали ли мои мечты реальностью, и действительно ли судьба эмигранта так легка, как многие предполагают, я предлагаю начать мое повествование, из которого вы сами сможете сделать выводы.

Итак, несколько слов о себе: я родилась в маленьком поселке под символическим названием Восьмой километр, в небольшом доме с собственным огородом. Это был шахтерский поселок, где каждый знал своих соседей не только по участку, но и через несколько улиц. Детство и юность мои пришлись на 90-е годы прошлого столетия, времена перемен, о которых пел незабвенный Виктор Цой, и которые потрясли тогда до самого основания некогда сильную и влиятельную страну – Советский Союз. Мои воспоминания о той жизни могут разделить все мои сверстники, ибо тогда пришлось несладко абсолютно всем (за редчайшим исключением). Те тяжкие времена разбили не одну семейную лодку, и моя семья не стала исключением – родители развелись, когда мне было тринадцать, а моей старшей сестре Маше – пятнадцать лет от роду. Одной из причин было то, что родители потеряли работу на шахте, которая обанкротилась, оставив без средств к существованию целый шахтерский поселок. Еще и поэтому моя мать, оставшись без мужа, была вынуждена поехать за границу на заработки. Именно тогда я возненавидела свою родную страну, а точнее, наше правительство, ибо считала, что рано повзрослеть мне пришлось именно «благодаря» событиям тех лет. Тогда-то и поселилось и начало прорасти во мне зерно эмигранта – я загорелась желанием при первой же возможности сбежать из страны. Я сделала для этого все: принялась усердно изучать английский язык, в отсутствие Интернета пыталась разузнать все, что могла, о том, как можно эмигрировать, и ревностно следила за новостями «из-за бугра». Я перебиралась из школы в школу в поисках хорошего учителя по английскому языку и ходила на дополнительные занятия. Но я прекрасно понимала, что мечта моя практически несбыточна, так как у нас не было ни богатых родственников за границей, ни денег хотя бы на билет в один конец. Мама выбивалась из сил, месяцами работая за границей, в то время как мы с сестрой обустроивали быт, учились и старались быть друг другу поддержкой и опорой. В 2004 году, когда я училась в университете на первом курсе, в России появилась программа Work and Travel, которая отправляла всех желающих студентов (а таких было множество) на работу и изучение английского языка в Соединенные Штаты Америки, на три-четыре месяца. Сказать, что я заинтересовалась – это ничего не сказать, я просто загорелась этой идеей. Моя сестра захотела сопровождать меня, и я была этому только рада – перспектива ехать за тридевять земель одной меня не слишком прельщала. Организатор программы утверждала, что мы сможем не только попутешествовать и выучить английский язык, но и заработать достаточно денег для того, чтобы окупить нашу поездку. Безоговорочно веря ей, я начала действовать: перво-наперво, не без труда, уговорила маму занять денег на поездку

(надо отметить, что все деньги, потраченные на путешествие, мы действительно вернули), и, после того, как она согласилась на эту авантюру, стала заниматься документами. В итоге мы получили визу и полетели в Орландо, штат Флорида на четыре месяца – с июня по конец сентября. Мое желание исполнилось, и тогда я поняла, что если действительно сильно чего-то хотеть, то все может стать реальностью, несмотря на твои финансовые возможности и прочие трудности жизни. Съездив в это полное приключений путешествие, я утвердилась в своем желании переехать жить в Северную Америку, но, к сожалению, через два года в визе мне отказали. На тот момент мы с моим молодым человеком Кириллом снимали отдельную квартиру в маленьком городишке под названием Артем, и уже оба работали в аэропорту города Владивостока. Я занимала весьма неплохую должность секретаря генерального директора, а Кирилл работал ведущим менеджером в коммерческом отделе.

Работали мы много – так много, что даже не замечали, как дни сливались в недели, а те, в свою очередь, перетекали в месяцы. И вот, не успела я оглянуться, прошло целых три года непрерывной работы с восьми утра до позднего вечера, а иногда и до ночи. А мы все так же жили в нашей маленькой съемной комнатухе с отваливающимися обоями, и ничего в нашей жизни не происходило. Получив отказ в американской визе, мы отчаялись поехать в США и сошлись во мнении, что могли бы приблизиться к нашей (моей) мечте, поехав сначала в Канаду, а затем пробравшись окольными путями в «страну свободных». Кирилл часами просиживал на форумах и различных иммиграционных сайтах и наконец нашел один из самых простых и осуществимых вариантов поездки в Канаду – по студенческой визе, с возможностью там впоследствии остаться. Так как, благодаря моему предыдущему образованию, английский на тот момент у меня был немного лучше, чем у Кирилла – решили, что на заклятие (читай: обучение) мы отправляем меня, чему на тот момент я даже обрадовалась. На том и порешили. Итак, всего после шести месяцев подготовки мы получили заветные визы и покинули «любимую» страну, наши семьи, всех друзей и близких – в поисках лучшей жизни за границей. С собой у нас были два чемодана с теплыми вещами, \$7000 наличными и уйма оптимизма.

Мы должны были прилететь в Сент-Джонс, столицу канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор, двадцать пятого декабря. Вы, скорее всего, подумаете: «Эти двое что, с ума сошли? Зачем они приехали в Канаду в Рождество?». В общем-то, причина была. Видите ли, я поступила в магистратуру Мемориального Университета Ньюфаундленда на факультет естественных наук (философия), так как у меня уже была степень бакалавра по лингвистике, которую я заработала тяжким трудом, обучаясь пять долгих лет в России. Во время планирования нашей поездки в Канаду я написала письмо декану своего будущего факультета, и она предложила встретиться с ней в университете двадцать седьмого декабря. Я привыкла к тому, что в нашей стране мнение учителя непререкаемо и, как правило, непоколебимо, поэтому не посчитала нужным спорить с ней и назначать другую, более подходящую для нас дату. Приняв нелегкое для всех наших семей решение поехать прямо перед Новым годом, мы принялись собирать наши вещи. Проводы наши были очень эмоциональными и долгими, ведь мы тогда понятия не имели, когда снова увидим наших родных и близких. Для меня тот день прошел как в тумане, я не осознавала всей серьезности сложившейся ситуации, мне все представлялось каким-то приключением, и только ноги предательски сводило судорогой страха перед неизвестностью. Летели мы с шиком – благодаря маме Кирилла, которая и по сей день работает в аэропорту, мы полетели в Москву первым классом. И в тот момент где-то в небе над бескрайними лесами нашей прекрасной родины, попивая коктейли и поедая палтуса с овощами, мы уже чувствовали себя королями мира. А как же иначе? Мы, двое чуть повзрослевших людей, едва окончивших институт, из маленького городка, которого даже нет на карте, летим в Канаду, бросив и продав все, что было (последнее, впрочем, только звучит патетично, потому что за прошедшие годы ничего, кроме красотишки Mazda Demio, нам купить так и не удалось). Мы слышали массу положительных отзывов о Канаде, и, хотя это была не Америка, о которой

я так долго мечтала, все равно – это ведь практически одно и то же. Забегая вперед, скажу, что так думали не только мы, в таком ключе размышляют практически все новоприбывшие в Канаду россияне.

Далее мы летели через Европу, так как такие билеты оказались дешевле, поэтому добились до Ньюфаундленда очень долго и без какого-либо комфорта на «лайнере» украинской компании «Аэросвит». Мы нигде не ночевали, поэтому наше путешествие было длительным и очень утомительным. Кирилл к тому же еще с самого вылета заболел простудой и постоянно «закидывался» всевозможными таблетками от горла и носа. Ввиду усталости и переутомления я, к сожалению, практически не помню нашего перелета. Я много спала и мечтала, и думала о будущем в самом радужном свете. Мы наверняка останавливались для пересадки в Торонто, но я, честно говоря, вообще этого не помню. Итак, мы прибыли в Ньюфаундленд, в город Сент-Джонс, около двенадцати ночи двадцать пятого декабря 2011 года. Хотелось бы упомянуть само место, в которое мы прибыли – на тот случай, если вы о нем ничего не слышали (что весьма возможно и даже вероятно).

Ньюфаундленд – это достаточно большой по размерам (площадь 405 212 кв. км по данным Википедии) остров, открытый викингами около 1000 года и ставший впоследствии первой колонией Великобритании. Обладает суровым климатом, вследствие чего сельское хозяйство на острове практически не развито, зато Ньюфаундленд является важным месторождением полезных ископаемых, таких как железная руда и различные полиметаллы. Также, со времен основания острова, здесь процветает рыбное хозяйство, а еще, с недавних пор, обнаружили месторождения нефти, что и поспособствовало огромному (с островитянской точки зрения) скачку в развитии и заселении острова, который, несмотря на огромную территорию, не может похвастаться численностью жителей (всего 528336 тысяч человек). Итак, рождественская ночь двадцать пятого декабря, мы, полусонные, выгрузились из маленького самолета на землю викингов и первых колонизаторов и направились к выходу за багажом. Помню, мне подумалось тогда: «Какой маленький, однако, у них тут аэропорт». Холодный ветер рокотал на улице, а я чувствовала легкое покалывание в груди – признак волнения, нервного возбуждения и предчувствия неизвестного. После длительного и утомительного перелета длиной в сорок восемь часов мы еле стояли на ногах, глаза у нас были подернуты красноватой сеточкой, а нос Кирилла все так же предательски шмыгал. Естественно, нашим первым и единственным на тот момент желанием было запрыгнуть в такси и поехать в отель, чтобы хотя бы чуток передохнуть и поспать. Имея опыт путешествий по заграницам и диплом переводчика, я вызвалась попрактиковать свой английский и позвонить в такси. Стационарный телефон вскоре был найден, и я схватилась за трубку.

– Да? – пропыхтела трубка голосом с непонятным и доселе несслыханным мною акцентом.

– Здравствуйте. Могу ли я заказать такси из аэропорта? – уверенно начала я разговор.

– Штаа? – протрещал голос какого-то мужчины на конце провода.

– Могу ли я заказать такси из аэропорта? – повторила я еще раз более громко, четко проговаривая слова.

– Так че, вам нада машина из ахеропортаа?!

– Что? – пискнула я.

– Тебенадамшинаиззаэрпотаа? – заорал в трубку голос, мешая в одну кучу все слова.

– Мм, да...

– К, – на этом разговор был закончен, но по тону неизвестного мужчины я поняла, что машина приедет, и мы стали ждать.

Сама того не подозревая, именно в этот момент я впервые столкнулась с ньюфи. «Ньюфи» – это название проживающих в Ньюфаундленде потомков переселенцев из Ирландии

и Великобритании. Их называют «нюфи» из-за самобытной культуры, заметного и малопривычного другому англоязычному населению акцента (что-то наподобие «кокни» со дна лондонской культуры, дополненного резким тоном, призванным перекрыть свист ветра; к тому же, нюфи жутко шепелявят, похоже, из-за отсутствия большей половины зубов во рту). Интересно, что они искренне желают и стремятся это свое «культурное наследие» сохранить, передав его по наследству детям. Но в тот момент мы об этом еще не знали и подумали, что это просто единичный случай, возможный дефект дикции, только и всего.

Мы ждали такси на улице на ледящем ветру, который, как известно, усиливается на открытом пространстве. Вокруг было безлюдно, за исключением пары таких же, как мы, пассажиров, прилетевших ночью, и нескольких машин такси, ожидающих этих самых путешественников. Наконец машина подъехала, и мы радостно загрузили в нее свои сумки и, устроившись на заднем сидении, судорожно пытались согреться. Водитель оказался русскоговорящим иммигрантом из Баку, что мы тогда сочли удачным знаком и охотно стали с ним общаться. Он нам поведал, что с работой здесь очень плохо, и предложил Кириллу тоже попробовать себя на таксистском поприще. Мы поблагодарили доброго азербайджанца, посмеиваясь про себя: «Кирилл – водитель такси, это что шутка, что ли? Мы приехали в Канаду не для того, чтобы работать в такси, мы, черт возьми, планируем получить работу в офисе, хотя бы теми же клерками». Мы, конечно же, ничего не сказали об этом нашему шоферу, а просто переглянулись друг с другом в зеркале заднего вида, многозначительно улыбаясь.

Оглядевшись по сторонам даже в темноте, можно было понять, что это место вовсе не выглядело так, как мы себе представляли. Мы медленно катили по практически пустынным заснеженным улицам городишка, похожего на маленькую деревеньку, с низкими, уныло выглядящими домишками и редко мелькающими магазинами на заправках. Я практически задремала, когда мы подъехали к ближайшему отелю – хотя мы не знали стоимость проживания в нем, мы решили однозначно, что сможем переночевать тут, и потом, пользуясь Интернетом, найти что-нибудь более подходящее.

У нас были канадские доллары наличными и, так как заранее забронировать отель из России нам не удалось, мы решили, что за наличные сможем снять комнату в любом отеле. Как же мы ошибались! Девушка на ресепшен попросила нас дать ей кредитную карту, на что мы ей ответили, мол, что мы новоприбывшие из России и кредитной карты у нас нет, но у нас есть наличные, и мы даже готовы заплатить сверх положенной суммы в качестве залога. Каково же было наше удивление, когда в ответ на такую невинную просьбу мы получили безапелляционный отказ от этой милой дамы. После этого мы поплелись в машину к нашему азербайджанцу, чтобы попытаться счастья в другом отеле, сделав заключение, что все тут выжили из ума, раз не принимают деньги своей собственной страны. Мы попытались счастья в еще одном отеле, потом еще и еще – ответ везде был однозначным: нет кредитки – нет комнаты. Точка. Мой сон как рукой сняло при мысли о том, что на дворе Рождество, мороз и час ночи, а нам все еще негде спать. Объехав пять или шесть отелей, мы уже подумали напроситься с ночевкой к доброму таксисту, практически соотечественнику, но тут он вспомнил про последний возможный вариант – отель практически в центре города, куда мы радостно поехали попытаться счастья. Я ехала, смотря, как счетчик такси наматывает вот уже 50, 55, 60 долларов, а мы все еще не были на месте. Горестные мысли стали рождаться в моей голове, но я стойко пыталась не поддаваться панике и рассчитывала на удачный исход наших походов. По дороге в отель мы заскочили на заправку и купили два сэндвича себе на завтрак. Наш дружелюбный шофер привез нас в маленькую гостиницу под названием Captain's Quarters около 1:30 ночи. Я вышла на улицу и увидела темное двухэтажное деревянное строение с пыльными окнами и вывеской винтажного вида, изображающей какого-то мужчину с бородой. Внутри горел свет, и мы позвонили в звонок. Через пару минут дверь открылась, и в проеме возник небритый сонный старик, который стал радостно говорить с нами на языке, смутно напоминавшем английский:

– Заходите, заходите – я вам уже комнату приготовил, – и он стал помогать нам затащить один из наших огромных чемоданов внутрь дома. Мы тут же предупредили, что у нас нет кредитной карты.

– Ничего, – прошепелявил старик, – мы принимаем наличные – 147 долларов за ночь. У меня отвисла челюсть от такой цены, учитывая, что ночь-то практически подошла к концу.

– А во сколько чек-аут? – проблеяла я, пыхтя под тяжестью одной из сумок.

– В двенадцать дня, – сказал старик, продолжая тащить наш чемодан в гостиную.

Делать нам было нечего, мы согласились на такую сумму, но пообещали друг другу, что непременно выедем отсюда на следующее же утро. Зайдя в отель, я огляделась по сторонам. Вокруг не было ни души, в воздухе витал запах сырости, плесени и курева. Стены были украшены пожелтевшими от времени обоями непонятного оттенка, на стенах висели какие-то пыльные картины и бра, углы, покрытые тонким слоем паутины, довершали весь интерьер, перенося вас эдак в век девятнадцатый. Полы жалобно скрипели при каждом шаге, а я едва поспевала за стариком, который продолжал что-то бормотать о своем прекрасном отеле и редких постояльцах. Относительно постояльцев он был, кажется, прав – повсюду царил абсолютная тишина, из комнат не доносилось ни одного звука или шороха, указывающего на присутствие здесь людей. Если бы я не чувствовала себя столь разбитой из-за событий того дня, я бы, наверное, начала фантазировать на тему призраков, всякой нечисти и чертовщины, и все это не дало бы мне уснуть, но поскольку усталость просто валила с ног, а чувствительность была притуплена, я хотела только одного – дать своему телу и разуму хотя бы небольшую передышку. А может быть, я просто мечтала уснуть и проснуться дома, в привычном и таком спокойном окружении. Как бы то ни было, мы заплатили за комнату и поспешили за старикашкой на второй этаж, чтобы наконец принять душ и поспать. Он открыл одну из комнат, которая оказалась абсолютно холодной, и внес в нее чемодан. Увидев, что я поежилась от холода, он сказал:

– Я включу отопление.

Немного успокоившись, мы закрыли за ним дверь и огляделись. Комната была старой и очень бедно обставленной, с двумя кроватями, телевизором и ванной. Как будто предчувствуя, что дальше будет только хуже и первые пара часов пребывания в этой стране получились такими неудачными не по чистой случайности, первое что мы сделали, оставшись одни – крепко обняли друг друга в полном молчании, потому что знали, что слова здесь не нужны, и если кто-либо заговорит сейчас, то, возможно, станет только хуже. Каждый из нас, зная, в каком ужасном моральном состоянии мы оба находимся, решил скрывать свои настоящие чувства, чтобы не сорваться и не впасть в длительную истерику. Не дождавись, пока станет хоть чуточку теплее, все так же молча я пошла в ванну, чтобы принять душ, Кирилл же стал готовиться ко сну и доставать туалетные принадлежности из одного из наших огромных чемоданов. Как только я осталась одна, запершись в ванной и включив воду, я предалась безудержному отчаянию. Из груди вырвался безмолвный крик, который спазмом свел мышцы моего лица. Я скучала по дому, все мои чувства обострились, и я все плакала и плакала, окруженная паром и своим горем. Все мое сознание, интуиция, наконец, тело кричали: «Беги, спасайся пока еще не поздно!», но мое упрямство, с которым я приехала в эту чужую страну, не позволяло мне сдаться. Я постаралась успокоиться, так как видела, что Кирилл держится из последних сил, и ему нужна моя поддержка, а не рыдания и жалобы. Выйдя из ванной, я поняла, что комната все еще холодная.

– Похоже, система отопления не работает, – сказала я, стараясь держаться бодро, и стала расправлять одну из постелей подальше от окна, чтобы было теплее. Откинув покрывало, я увидела длинный черный волос и поняла, что постель была нестиранная. Кирилл уже ушел мыться. Вернув одеяло на место, я стала расправлять на постели наши куртки и несколько кофт. Спать на грязной постели никак не входило в мои планы. Быстро надев на себя побольше

одежды, я улеглась на свою зимнюю куртку, и, укрывшись теплой кофтой, схватила пульт от телевизора. Монотонно пощелкав по каналам и посмотрев прогноз погоды, который обещал завтра солнце и мороз, я выключила телевизор и стала ждать Кирилла из ванной. Когда он вышел, то удивленно вскинул брови при виде меня, лежащей на куртках, а не на постели, в ответ на что я ему поведала историю про грязные простыни и черный волос. Он покачал головой и молча лег со мной рядом на постель. Мы знали, что завтра нас ждет долгий и мучительно тяжелый день – нам необходимо будет найти новое жилье и переехать туда до двенадцати дня, чтобы не платить больше деньги за эту халупу. С этими мыслями мы молча обнялись и забылись тяжким сном, который, казалось, прервался слишком быстро.

Бег

Проснувшись в шесть утра, всего через четыре часа после описанных мною в предыдущей главе событий, я молилась, чтобы все это оказалось сном. Осознав, что это не так, я со вздохом принялась собирать в чемодан оставленные в ванной вещи, умылась, разбудила Кирилла, и мы стали собираться в дорогу. Проглотив свои холодные сэндвичи и запив их водой, одевшись как можно теплее и прихватив с собой два громоздких чемодана, в которых были все наши пожитки, мы спустились вниз, поскольку рассчитывали воспользоваться Интернетом в гостинице, за ночевку в которой отдали столько денег. Внизу за барной стойкой хлопотала какая-то женщина (мы решили, что это работница отеля) и сидел, попивая что-то горячее, потрепанного вида мужчина средних лет. Мы стали расспрашивать женщину об Интернете или хотя бы смартфоне, которым мы могли бы воспользоваться за отдельную плату. Как ни странно, не только внешний вид этой гостиницы был устаревшим, в ней, как оказалось, все еще использовали телефонные справочники вместо компьютеров. Телефона у женщины также не нашлось. Услышав нашу историю, сидящий за стойкой мужчина вызвался подвезти нас до даунтауна, где, как он слышал, есть кафе с Интернетом. Мы, естественно, сразу же благодарно согласились, и, попросив женщину присмотреть за нашими чемоданами, так как были не уверены, что вернемся к двенадцати часам, а отдавать деньги еще за одни сутки категорически не хотели, поспешили за мужчиной наружу. Мы выскочили на заснеженную пустынную улицу и запрыгнули в старую иномарку серого цвета вслед за водителем, которого, к слову, звали Джон. На улице, как и в машине, было очень холодно, ветер дул нещадно, и я была рада оказаться в отапливаемом помещении и хотя бы чуток согреться, так как в гостинице сделать это так и не удалось. Машина со скрипом тронулась, и мы поехали по снежному бездорожью в поисках хоть какой-нибудь цивилизации, где можно было бы воспользоваться услугами связи. Смартфонов тогда у нас не было – я все эти годы пользовалась только трубочным «Самсунгом», так же, как и Кирилл. Приехав в «даунтаун», как назвал его Джон, мы не увидели ровным счетом ничего, кроме маленьких цветных домиков с темными окнами и заснеженных улиц, на которых невозможно было разобрать, где дорога, а где – тротуар. Были выходные, и все, абсолютно все вокруг было закрыто. Оптимистично настроенный Джон, улыбаясь, предложил съездить в университет и попытать счастья там, а пока, раз уж мы в даунтауне, он мог бы отвезти нас на Сигнал-Хилл, с которого видно весь город. Произнося «Сигнал-Хилл» и «весь город», он не скрывал гордости. Не успели мы дать своего согласия, как он погнал своего железного коня куда-то в гору, рассказывая, какая красивая здесь природа, и как нам тут понравится. С трудом забравшись по снегу в гору, мы увидели какое-то каменное строение с реющим флагом на крыше. Размером оно было с небольшой двухэтажный домик в виде башни.

Джон выскочил из машины без шапки и стал махать нам, чтобы мы тоже вылезли и посмотрели вокруг. Мне не хотелось выходить из теплой, уютной машины на улицу, но делать было нечего. Выйдя наружу, первое, что я почувствовала, это холод. Пронизывающий, порывистый ветер начал трепать мою одежду и волосы. Я натянула шапку поплотнее, и, шурясь, осмотрелась по сторонам. Небо было покрыто белой молочной пеленой. С левого бока от башнеобразного строения, у подножия 130-метровых скал, находился суровый океан, настолько темный и синий, что от одного взгляда на него становилось холодно на душе. Именно с этой стороны дул коварный резкий холодный ветер, который, казалось, норовил скинуть нас с этой верхотуры, если только мы немного расслабимся.

Но зрелище, надо заметить, было потрясающее. С одной стороны простирался Атлантический океан – холодный, суровый, совершенно нам чуждый. С другой открывался вид на преимущественно одноэтажный городок с бухточкой и несколькими судами, пришвартованными у берега. Джон искренне радовался и улыбался – казалось, холод совсем не мешал ему. Мы же с Кириллом начали просить его поскорее вернуться в машину, условившись на том, что мы обязательно вернемся сюда в теплую погоду и рассмотрим все как следует. Зная, что больше не можем злоупотреблять добротой нашего нового знакомого, мы договорились, что Джон высадит нас в центре.

Снова выйдя на холодную улицу, мы стали ждать автобуса. К счастью, уже было около восьми часов утра, и солнце стало пробиваться сквозь молочные облака, что сделало пребывание на улице чуть легче. Первое отличие от зимнего времени года во Владивостоке, которое я отметила про себя, выйдя на улицу Сент-Джонса, это отсутствие хрустящего от мороза сухого снега под ногами. Вместо него на всех улицах была слякоть. Вообще, для меня Сент-Джонс навсегда ассоциируется с тремя буквами «С»: слякоть, соль (потому как везде в Канаде со снегом борются именно при помощи огромного количества соли) и снег. Мои глаза, все еще ослепленные ярким снегом, пытались уловить хоть одно движущееся существо или какой-то признак жизни вокруг. Не было ничего – ничего, кроме цветных домиков, глядящих на нас пустыми глазницами окон. Мы шли вперед, чувствуя себя потерянными и одинокими, иногда

нервно посмеиваясь над сложившейся ситуацией: мол, именно так бы выглядели улицы при зомби-апокалипсисе.

Вскоре мы заметили отблеск света и горящую вывеску в одном из домов. Это и было кафе, о котором нам рассказывал Джон – «Чаттерс». Это место было и своего рода интернет-кафе с ноутбуками, и обычной кофейней с напитками и выпечкой. Там подавали кофе и можно было воспользоваться Интернетом. Место было весьма уютное в типично канадском «слегка потрепанном» стиле. Первый этаж был весь забит сонными утренними гуляками, похожими на нас, поэтому мы поспешили забраться на второй этаж и занять столик в углу. Кирилл заказал две чашки ужасного разбавленного кофе и какой-то чрезмерно сладкий черничный пирог, и мы засели за ноутбук. В срочном порядке мы стали искать место для ночлега, и, найдя пару-тройку мест, решили быстро всех обзвонить. Я спустилась вниз и, подойдя к барной стойке, попросила воспользоваться телефоном кофейни, чтобы сделать пару звонков. Парень-официант, немного помявшись, все-таки разрешил нам воспользоваться их телефоном. Но, к сожалению, все было безрезультатно: трубку либо не брали, переключая нас на автоответчик, либо говорили, что места уже сданы. Тем временем я проверила свою почту и обнаружила там письмо от своего декана Дженнифер, которая, узнав о моем прибытии в город, предлагала по возможности встретиться со мной сегодня. Я согласилась, подумав, что в университете смогу найти хороший доступ в Интернет, и там уже займусь поисками жилья более тщательно. Я также надеялась, что, возможно, она сможет подсказать мне, где и как устроиться первое время, или хотя бы дать какой-либо совет по этому поводу. Спросив у доброго парня-официанта, как нам добраться до единственного на всем острове университета, мы поспешили на остановку, чтобы поймать автобус.

Полупустой автобус резво повез нас какими-то немислимыми кругами и петлями по пустынным улицам Сент-Джонса. Мы рассматривали наше новое пристанище во все глаза и молчали – каждый думал о своем. О чем думала я, спросите вы? О том, как отсюда сбежать незаметно для себя, других и нашего материального положения. Вслух я об этом старалась не заговаривать, так как понимала, что ничего, кроме волны негативных эмоций, как Кирилла, так и своих, я такими разговорами не вызову. Ехали мы примерно тридцать минут, останавливаясь, казалось, каждую минуту на остановках, расположенных слишком близко друг от друга. Это всегда меня удивляло в Ньюфаундленде – зачем столько остановок на каждом из маршрутов? Из-за этого поездки в любые места становятся в два, а то и в три раза длиннее.

Наконец мы вышли где-то посреди покрытой мокрым снегом дороги. Холодное зимнее солнце освещало заснеженные дворы, дороги, дома. Тротуаров совсем не было видно – мы встали в сугроб, стараясь отойти от дороги на безопасное расстояние и не заходить на чью-либо территорию. Вокруг не было ни души. Изредка по слякотной, покрытой солью дороге проезжали один-два автомобиля и снова становилось тихо. Мы увидели заправку и решили спросить там, куда нам идти, в какой стороне находится университет. Упитанный мужчина с усами неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. Немного отогревшись и выйдя на улицу, мы увидели таксиста, который заправлял свою машину. От него нам стало известно, что мы сели не на тот автобус, и до университета еще нужно дойти, чему мы очень удивились, так как водитель автобуса уверял, что мы приедем к месту назначения. Делать было нечего: узнав, что университет находится в пяти-десяти минутах езды, мы решили воспользоваться услугами такси.

Мемориальный Университет Ньюфаундленда

Итак, после долгих мытарств по городу и его окрестностям, мы наконец-то прибыли в университет Ньюфаундленда, где мне предстояло провести два года жизни и написать немыслимое для меня количество страниц философских размышлений. Но на тот момент я об этом еще не думала. Все мои мысли были заняты жильем и работой для Кирилла, поисками которой мы даже еще не начали заниматься, а наши сбережения тем временем таяли на глазах.

Университет Ньюфаундленда представлял собой комплекс, состоящий из нескольких зданий – образовательных, административных, спортивных и развлекательных. Все они находились в шаговой доступности друг от друга. Также существовали подземные переходы, соединяющие все эти строения между собой, что очень помогало в условиях ньюфаундлендской погоды, которая иногда просто не позволяла передвигаться по верху. Большинство студентов ездили на учебу на машинах, таким образом проводя на улице как можно меньше времени. Нам такая привилегия была не по карману, поэтому все два года моего обучения я ходила пешком, что занимало более часа, если считать время пути в обоих направлениях.

Итак, после некоторого блуждания по пустым зданиям университета (так как все студенты и преподаватели все еще были на зимних каникулах, за исключением одного-двух таких же блуждающих субъектов, как мы с Кириллом), мы наконец-то нашли нужную аудиторию на третьем этаже с табличкой на двери, гласящей: «Дженнифер Дайер, декан факультета». Кирилл остался ждать меня возле двери, а я, постучав, зашла к женщине, в переписке с которой состояла уже не одну неделю. Это была крупная женщина лет тридцати пяти-сорока со светло-русскими кудрявыми волосами, неизменно улыбающаяся и чрезвычайно быстро передвигающаяся, несмотря на свои размеры. Она была одета в светло-серый вязаный свитер и синие джинсы, на ее крупном носу, выдающем, видимо, еврейские корни, сидели темного цвета очки в роговой оправе. Глаза у нее были голубые – живые и быстрые, искрящиеся смехом. Она улыбнулась и пригласила меня войти. Первое, что я тогда подумала, что она очень отличается от наших российских серьезных деканов, к которым ты идешь как на собеседование, стараясь понравиться и выглядеть строже. Здесь же во всем царил свободная обстановка, начиная от самой Дженнифер, и заканчивая ее цветными постерами на стенах и сувенирами в виде зверюшек на столе. Да и сама она внушала какое-то спокойствие и радость. Кроме того, она была громогласной, очень громогласной – на все мои вопросы отвечала резво, звонко, прерывая свои возгласы смешками и залихватским гоготом. Я немного расслабилась, и мы начали разговор, после которого, честно говоря, я не понимала, в чем заключалась суть моего визита. Практически на все мои вопросы и сомнения она отвечала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.